

В. П. НАУМЕНКО

**Новелла Боккаччо
в южно-русском стихотворном пересказе
XVII–XVIII ст.**

Южно-русская письменность XVII–XVIII в., довольно богатая содержанием по вопросам, так сказать, имеющим специальное значение, очень бедно памятниками чисто литературного характера и причина этого кроется прежде всего в общем ходе политической судьбы южно-русского народа.

Следы самобытной южно-русской письменности, отличной от чисто народной устной литературы, проявившейся в былинах, думах, песнях и сказках, мы находим весьма рано. Еще в XI и XII вв., когда на юге России начиналась духовно-нравственная литература и зарождалась история в форме летописей, лучшие люди того времени любили уноситься мыслию от реальной действительности, от житейской прозы, в иной мир, мир поэзии. В этом отношении довольно указать на того туманом покрытого Бояна, который, по словам Буслаева, «был достойный современник Нестору и если сам заимствовал свои песни из исторических рассказов, то без сомнения, мог и передавать летописцу в звучных песнях предания русской старины*», или вспомнить о певце Игорево, чтобы сказать, повторяя слова Максимовича, что хотя «может быть и не было у вас *периода* письменной поэзии, но *песнопения* письменные были»**. Объясняется существование этой старины — нашей самобытной искусственной поэзии тем согласием и той близостью, которые существовали тогда между отдельными поэтами-писателями и поэтом-народом.

* Летоп. русск. лит. изд. Тихонравовым, т. I, стр. 31.

** Собрание сочинений, т. 3, стр. 488.

Но столь счастливое начало нашей письменности отнюдь не соответствует ее продолжению. Уже с XII в. начинаются тяжелые дни в жизни южно-русского народа, тянувшиеся в течение многих столетий и задержавшие правильное развитие его жизни и вместе самой письменности. Трудно определить даже, как и на чем оборвалось развитие старинной поэзии, но на расстоянии трех веков мы встречаем почти пустые страницы в истории литературы южной Руси. И между тем вся историческая жизнь южной Руси за этот период сложилась так, что когда вновь возродилась в ней наука и началась литературная деятельность, произошло полное отделение представителей письменности от народа. И наука и литература, вызванные к жизни в конце XVI века усиленными стремлениями южно-руссом поднять слабые стороны своего духовного развития для борьбы с католицизмом, попали в оковы царившей тогда в Польше и на всем Западе схоластики. Нельзя отрицать, что и с таким характером литература того времени стояла в тесной связи с народной жизнью, защищая его интересы; но что касается поэзии, то ничего общего с народным песнотворчеством в ней не видно. Мы имеем от того времени массу произведений богословских, полемических, поучительных, исторических, филологических, но все это составляет тот отдел прозы, который удовлетворяет лишь научным, политическим, общественным интересам и остается в стороне от потребностей души, стремящейся, помимо всего, еще и к эстетическому наслаждению в форме словесных поэтических произведений. Правда, и такого рода произведений не мало в южно-русской литературе XVII и особенно XVIII ст.; но под влиянием продолжавшейся религиозной борьбы и схоластического образования и они были запечатлены тем же характером, как и другие литературные произведения того времени. Если бы писателями этой эпохи преемственно унаследован был прием старинных поэтов брать сюжеты из жизни родной, близкой, чаще всего из исторических событий, если бы при том осталось прежнее единение поэтов-художников с поэтом-народом, если бы современный поэт воспитался в своем поэтическом вдохновении на началах народного песнотворчества, то сюжетов таких для художественной разработки можно было найти бесконечное множество в истории Украины XVI и XVII вв., а поэтическое вдохновение и образы в бесконечности могли черпаться из народных дум и песен козацкой эпохи. Но оторванная от народной поэзии литература XVII и XVIII ст., вместо всего этого, вырабатывает в читающей публике иные вкусы, давая ей стихотворные (виршевые) произведения с сюжетами богословского характера. Для примера

довольно назвать «Перло многоценное» Кирилла Транквиллиона, где большую половину книги составляют стихотворения в похвалу Троицы, Богородицы и т. д., или вспомнить, что известный Иоанн Максимович издал весьма объемистую книгу на тему «Богородице Дево, радуйся» в стихах, которых количество доходит до 25 тысяч. Не больше жизненности представляли собою духовные драмы, почти все время остававшиеся принадлежностью школы. Некоторые проблески народности начали было обнаруживаться в интермедиях, но им не суждено было развиться вполне и облечься в художественную форму, хотя бы на подобие английских интерлюдий Гейвуда. Вообще южно-русская книжная поэзия XVII — XVIII в., подчиняясь всецело латино-польским образцам, ничего самобытного представить не могла.

Такие обстоятельства развития и существования нашей письменности приводили к мысли о заимствовании недостающего из литератур других народов, — мысли, которая сознательно развилась в XVII и усилилась в XVIII в., и в ряду заимствований этого времени едва ли не первое место по качеству и по своей распространенности занимают зашедшие в южную Русь старинные повести, преимущественно западных редакций. Старинная повесть, по словам Пыпина, «имеет право на внимание историка литературы, как популярное чтение старого времени, очень любимое и распространенное; в своем отношении к читателю она не имела тех интересов, какие соединялись с произведениями историческими и чисто-назидательными, при сильном господстве дидактических требований, она занимала своим более или менее поэтическим содержанием и, следовательно, отвечала только чисто литературным потребностям читателя*. Заимствования вообще начались у нас весьма рано. В течение восьми столетий, от X-го до XVIII, наша письменность, в большей или меньшей мере, пополнялась переводами и переделками тех сказаний, которые распространены были в византийской и западно-европейской литературе. Раньше всего, конечно, началось движение этих сказаний из Византии через посредство южно-славянских литератур (болгарской и сербской), благодаря если не единству, то во всяком случае близости литературного языка последних с языком литературным в России. При этом, нужно заметить, что многие из этих сказаний настолько в переводах и переделках применялись к характеру русской письменности, что становились как бы самобытными, и потому теперь только метод сравнительного исследования может открыть

* Пыпин, Очерки лит. истор..., стр. 2 (Учен. Зап. 2 отд. имп. ак. наук, кн. IV).

до известной степени их действительное происхождение и определить как ближайшие посредствующие, так и более отдаленные пути, которыми они доходили до нас. В ряду многочисленных повестей, зашедших к нам из Византии, более других замечательны «История Александра Македонского», приписываемая псевдо-Каллисфену, и «Троянская война», впрочем гораздо менее первой распространенная у нас, а из повестей этой группы, наиболее соприкасавшихся с народной словесностью, можно указать «Слово о купце Басарге»¹, где фигурируют как бы исконные местные люди: киевский гость Басарга и его сын Мудромысл.

Заимствование этим путем шло лишь до XIV ст., до тех пор, пока южно-славянские государства жили своей политической независимостью; с падением же их и с подпадением самой Руси под иго татарское, там и здесь приостановилось надолго литературное развитие, и в течение трех столетий, от XIV до XVII, мы не можем указать в нашей письменности ничего такого, что свидетельствовало бы о новых литературных заимствованиях или каких-нибудь новых вариантах прежде зашедших к нам повестей. Начиная с XVII ст. повесть, ставшая, за отсутствием другой какой-либо изящной литературы, любимым чтением публики, обогатилась значительно новыми источниками: стало заметно переселение к нам западно-европейских повестей через Польшу и, если не исключительно, то в большинстве случаев, именно в южную Русь, откуда они, видоизменяясь более или менее в языке, направлялись и на север, в Великороссию. Существенным отличием этих новых повестей служит то, что они никогда не сближались, подобно некоторым старым, с народной поэзией, не принимали самобытного отпечатка, а оставались со всеми признаками иноземного своего происхождения.

Главнейшими из повестей, пришедших из запада, были: «Римские Деяния»², «Зерцало Великое»³ и некоторые рыцарские романы («Петр Золотые-Ключи»⁴, «Повесть о преславном римском кесаре Оттоне»⁵, история Бовы Королевича⁶ и пр.). Все эти переводы сделаны были с польского подлинника*, и тот же польский подлинник послужил материалом для перевода у нас некоторых новелл (напр.: Повесть о семи мудрецах), рассказов полуисторических и полумифических (напр. Кратких, витиеватых и нравоучительных повестей книги три — напечатаны в 1711 г., а переведены еще в XVII в.), и западных фацеций⁷ (Смехотворные повести, переве-

* Пыпин, Очерк лит. истор., стр. 251.

денные Новгород-Северцем)*. В эти смехотворные повести-фацеции попали и некоторый новеллы Боккаччо.

Всех новелл Боккаччо, переведенных или переделанных в старину на русский язык, по наследованию г. Пыпина, было *пять*, из которых четыре помещены в «Смехотворных повестях», а именно: 1) «О друзьях, о Марке и Шпинелете» по Декамерону VIII, 8, где друзья названы Zerra и Spineloccio; 2) «О жене и госте», новелла Декамерона VII, 2; повесть русская не следует тексту Декамерона и не имеет картинного окончания итальянской новеллы; 3) Повесть о господине Петре и о прекрасной Кассандре и о слуге Николае» есть очень близкая редакция новеллы Декамерона VII, 7. и 4) «О жене, обольстившей мужа, якобы ввержеся в кладезь», новелла Декамерона VII, 4.

Но тот же исследователь замечает, что была переведена еще одна из прекраснейших новелл Боккаччо (Декамер. II, 9), именно «Повесть утешая о купце, который заложился с другим о добродетели жены своя»**. Теперь счастливый случай доставил мне в руки новый, совершенно неизвестный пересказ одной из новелл Боккаччо***, своим языком и другими приметами удостоверяющий несомненно свое южнорусское происхождение и принадлежащий концу XVII или началу XVIII в. Сказав, что было необходимо для определения места и времени этого нового памятника южнорусской письменности в общем ходе ее развития, я перейду теперь к передаче его содержания и указанию тех особенностей, какие представляет пересказ сравнительно с подлинником по приемам изложения, языку и т. под., а равно значения его для южнорусского общества данного времени.

Начну с оригинального заглавия этого памятника: «*Историчные верши*». Иначе, как *вершами* неизвестный переводчик не мог назвать передаваемой новеллы Боккаччо, избрав для передачи ее излюбленную тогда у нас силлабическо-стихотворную форму. Исторического в перелагаемой повести слишком мало и название «*историчные*» придано «*вершам*» по простому недоразумению: переводчик, или лучше сказать, пересказчик ее, найдя в действующем лице историческую личность, порешил, что весь рассказ есть исторический факт. Стоит впрочем знать, каково было у нас тогда

* Ibid., стр. 265.

** Ibid., стр. 276–277.

*** Рукопись дана мне для пользования г. Длуским, за что приношу ему искреннюю благодарность.

понимание истории, стоит вспомнить только, какие баснословия попадали из западных хроник в наши тогдашние сборники по всемирной истории — хронографы, чтобы вполне оправдать автора перевода за данное им название повести.

Рассказ новеллы Боккаччо приурочен к *Танкреду* (*Tancredi prenze Salerno*, как сказано в новелле), именуемому «де Отвилль», отцу двенадцати доблестных сыновей, из которых один, Вильгельм «Железная рука», предводительствуя норманскими удальцами, по просьбе греческого наместника в нижней Италии, явился для борьбы с арабами. Брат Вильгельма, *Роберт Гвискард* впоследствии овладел, благодаря отваге и хитрости, большею частью нижней Италии (в 1060 г.). Сюжет новеллы можно относить именно к этому Танкреду; с именем его связывается и имя *Гвискарда*, его сына, — имя, встречающееся и в новелле, хотя отнесено оно здесь совершенно к другому лицу. Правда, в новелле совершенно не упоминается о 12 сыновьях Танкреда, напротив того сказано, что у него была единственная дочь, которую он безмерно любил, но построение таких рассказов, в которых фигурируют отец и любимая им дочь, было весьма распространено, особенно в средневековых сказаниях. В известном сборнике «*Gesta Romanorum*» встречается более 10 рассказов, завязкой которых служат отношения между отцом и единственной любимой дочерью*.

Сюжет новеллы состоит в следующем:

У Танкреда, принца салернского, была единственная дочь Сигизмунда, которую он так сильно любил, что, из желания подольше не расставаться с нею, не решался долгое время выдавать ее замуж. Однако, когда Сигизмунда достигла уже вполне возмужалого возраста, отец в конце концов отдал ее за сына принца капуанского. Вскоре Сигизмунда овдовела и опять возвратилась в дом отца. При положении вдовства, Сигизмунде не чужда была потребность в любви; но считая неприличным заявить об этом отцу, она обратила свою любовь на одного из придворных отца, некоего Гвискарда, молодого человека с благородными чувствами, но низкого происхождения. При встрече с ним, она стала оказывать ему явное свое расположение, и Гвискард, не будучи новичком в этом деле, сразу заметил это расположение к нему принцессы и отвечал ей тем же, так что в конце концов они страстно полюбили друг друга. Чтобы сохранить эти отношения в тайне, Сигизмунда написала записку своему возлюбленному с ука-

* *Gesta Romanorum*, herausgegeben von Hermann Oesterley. Berlin 1872 r. cap. 1, 27, 60, 61. 63 и др. стр.

занием места свидания и записку эту передала ему в выдолбленной снизу палке. Свидания их происходили в комнате Сигизмунды, куда Гвискард пробирался через запущенный, старый погреб, сообщавшийся с помещением принцессы посредством потайной лестницы. На первых порах свидания проходили благополучно для влюбленных; но однажды Танкред оказался свидетелем их свидания, сам впрочем оставшись незамеченным ими. На следующую ночь Танкред поставил стражу, и Гвискард был схвачен и приведен к принцу. На все упреки и обвинения он оправдывался только тем, что могущество любви не признает владык. Принц приказал заключить его в одну из комнат дворца и не упускать из виду, а сам отправился к дочери и обратился к ней с такими же упреками, между прочим называл проступок ее тем более прискорбным, что она избрала предметом любви Гвискарда, происхождение которого очень темно, а не остановила своего выбора на ком-нибудь из более знатных придворных. Сигизмунда, увидав, что ее интриги обнаружены и что помилования Гвискарду ожидать нельзя, порешила и себе не испрашивать милости, а только защитить свою честь. В длинной речи, обращенной к отцу, она, не отрицая своей страстной привязанности к Гвискарду, объяснила пробуждение ее исключительным положением своим и сказала, что, заметив свое бессилие устоять против обуревавшей ее страсти, она употребила все предосторожности, чтобы согласовать любовь с честью, вследствие чего заботилась о сохранении полнейшей тайны. Больше-же всего в ответе своем она обратила внимания на упрек в том, как могла она отдаться человеку такого низкого происхождения, и в исполненных чувства и силы выражениях высказала, что не знатность рода, но добродетель и нравственность делают человека благородным, а эти именно качества она вполне видит в Гвискарде. В заключение она заявила, что решила твердо разделить участь, назначенную Гвискарду, а потому просила отца предоставить ей с Гвискардом умереть вместе, если только он признает, что они достойны смерти. Хотя Танкред в обращенных к нему словах дочери усмотрел ее мужество и твердость характера, но все-таки не считал ее способной привести в исполнение свою угрозу и потому приказал казнить Гвискарда, вынуть его сердце, положить на золотое блюдо и отнести к дочери. Сигизмунда, предвидя исход дела, заранее запаслась ядом, и когда увидала Гвискардово сердце, в длинной патетической речи излила свою скорбь, перемешивая ее с упреками отцу, и выпила приготовленную отраву. Придворные дамы, заметив, что ей дурно, тотчас же дали знать отцу; но было уже поздно. Сигизмунда в предсмертной агонии обратилась к отцу с последней просьбой — похоронить ее

вместе с Гвискардом. Через минуту она скончалась. Никогда еще старый Танкред не испытывал подобного горя; он раскаялся в своей жестокости и велел похоронить с парадом в одном гробу обоих влюбленных, сопровождаемых сожалением всех салернитанцев (II Decamerone. Giornata 4, novel. I.).

Нет надобности говорить о том, насколько вообще романические сюжеты были любимы в старину, как в позднейшей классической литературе, так особенно в средневековой и как много являлось впоследствии подражаний и переделок их. Известно также, какое громадное количество новелл Боккаччо посвящено всяким эротическим и романическим приключениям. Но ни одна из них, кажется, не удостоилась стольких переводов, переделок и подражаний, как только что приведенная, действительно являющаяся едва-ли не самой лучшей из новелл четвертого дня, предназначенного у Боккаччо для рассказов о любовных приключениях с трагической развязкой. Из таких переделок и подражаний Дёнлоп⁸ в своем знаменитом исследовании *History of fiction* указывает следующие*: Леонард Аретино пересказал ее латинской прозой, Филлипп Бироальд латинскими стихами, Аннибал Гуаско итальянскими октавами; она послужила сюжетом пяти итальянских трагедий, из которых одна «La Ghismonda»⁹ приобрела громкую известность, потому что обманным образом приписана была Торквато Тассо. Одна английская драма, сюжет которой заимствован из этой новеллы, была сыграна в 1568 г. в присутствии королевы Елизаветы. Развита также этот сюжет Жаном Флери¹⁰ во французских стихах и Вильямом Вальтером¹¹ — в английских октавах. Но Англия более всего познакомилась с этим сюжетом по драме Драйдена «Сигизмунда и Гвискард». Равным образом, эта новелла послужила материалом для картины, приписываемой Корреджио, где Сигизмунда представлена рыдающей над сердцем своего возлюбленного. Гогарт пытался подражать этой картине, но подражание его, по замечанию Горация Вальполя, вышло вполне неудачно. Конечно, перечисленными у Дёплон подражаниями и переделками далеко не исчерпывается все их количество. Можно указать еще, например, на балладу Бюргера «Lenardo und Blandine», в которой находится много общего с новеллой Боккаччо**. А если

* John Dunlop's *Geschichte der Prosadichtungen*. Aus dem englischen übertragen von Felix Liebrecht. Berlin 1851 г., стр. 231.

** В сочинении Вильмара (*Vorlesung über die Geschichte der deutsch. National-Literat*. Leipzig. 1847 г., стр. 616) сказано, что сюжет заимствован Бюргером из Декамерона Боккаччо.

сделать более смелое предположение, то можно сказать, что в поэме Лермонтова «Боярин Орша» до известной степени замечается отголосок этого же сюжета.

Тем более, можно сказать теперь, любопытен тот факт, что и в нашей, сравнительно очень бедной, поэтической литературе XVII в. оказался пересказ, да еще и стихотворный, этой прекрасной новеллы.

Каким же путем могла попасть эта новелла в южную Русь? В ответ на этот вопрос, за неимением положительных указаний, приходится ограничиться лишь догадкой, которая, конечно, потребует еще проверки.

Если принять во внимание разницу между имеющимся у нас пересказом новеллы и подлинником оной, сообразить отсутствие каких-либо указаний на то, чтобы наши южно-русские писатели непосредственно пользовались подлинниками новелл вообще, то останется предположить, что наш пересказ повести Боккаччо не составлен по подлиннику, а представляет перевод с польского языка. Впрочем каким бы путем ни пришла к нам эта новелла, за ней остается все-таки право на внимание, как за произведением, дававшим тогдашней читающей публике интересный сюжет, не лишенный и некоторой идейности.

Сличение подлинника новеллы с нашим стихотворным пересказом прежде всего показывает, что в пересказе некоторые места повести сокращены, а иные совсем опущены. Очевидно отсюда, что слагатель «Историчных верш» отнесся к самому сюжету повести вполне серьезно и, видя такую трагическую развязку, не рискнул поместить тех острот и сатирических штрихов, которыми, как известно, так искусно перенизывает свои рассказы Боккаччо. Особенно резко бросается это в глаза в тех случаях, когда итальянский новеллист, по поводу Сигизмунды, делает свои вылазки против женщин. Мы знаем, что в нашей старинной литературе не только не избегали подобных нападок на женщин, но даже очень охотно варьировали их на разные лады, что и сказалось в тех шуточных сборниках-фацециях, которые перешли к нам из польской литературы. Но другое дело — шуточные сборники, и совсем иное — серьезные, трагические сюжеты, подобные данному. Этим, вероятно, и надо объяснить, что в южно-русском пересказе повести о Сигизмунде совершенно отсутствуют следующие выражения Боккаччо:

1) Характеризуя Сигизмунду, Боккаччо прибавляет как-бы вскользь: «принцесса эта... была замечательно умна, больше, чем

можно было-бы потребовать от природы для женщины*». В нашем пересказе Сигизмунда характеризуется несколько иначе.

А была красотой и умом так славна,
 Что во области не бе ей ни едина равна.
 Нелзя было по думать и не удивляться,
 Смотря толко на нея и не услаждаться,
 Насквозь та проникала сердца зраком вдатным
 И к себе привлекала словом всеприятным.

2) Когда Сигизмунда очутилась с глазу на глаз с отцом, упрекавшим ее за ее поступок, она, по тексту подлинника новеллы, «была уже несколько раз близка к тому, чтобы обнаружить это с криком и слезами, как большею частью это делают женщины**». В нашем пересказе это место передано так:

Печална-ж Зигисмунда буд (учи) в том часе,
 Стала безответна вдруг в немалому страсе,
 Не так себе жалея, як друга своего
 Звездарда***, мысля в себе: ах не щастия моего!
 Что се нам случилось? тяжко воздыхала
 И скорбное слезами лице обливала.
 Видя тое, что уже тайны их открыты,
 Стали и вси любве той знаки явны быти,
 От жалости несносной ни едина слова
 Не могла проговорить до отца сурова.
 Однак пред ним мужеско сердцем поступала,
 Прибирая разума, что-бы отказала,
 А в мысли своей твердо тое закрепила,
 Что с Звездардом и смерть ей будет в свете мила.

Равным образом отсутствуют в южно-русском пересказе и многие подробности в описании любовных свиданий Гвискарда с Сигизмун-

* Кажется, я точно передаю фразу Боккаччо: *savia pin che a donna per avventura non si richiedea* (II Decamerone. Paris 1861 г.). Французский переводчик Сабатье де Кастр придал еще больший оттенок остроты:... (d'un esprit supérieur et peut-être trop pour une femme (Contes de Boccace. Paris, 1857).

** ... e a mostrarlo con romore e con lagrime. *come il piu le femmine fanno*, fu assai volte vicina. У Сабатье де Кастра и тут переименовано: Sigismonde... pensa vingt fois faire éclater sa douleur par ses larmes: *faible ressouyce, mais fort ordinaire aux personnes de son sexe*.

*** Каким образом *Гвискард* переименовался к *Звездарда*, не совсем ясно; вернее всего, это чисто русская переделка по созвучию, с желанием дать в тоже время свой, понятный корень.

дой, и та реальность в изображении отдельных моментов любовных сцен, которая встречается у Боккаччо. Опущена например та подробность, что Гвискард, отправляясь на свиданье через узкую отдушину погребца, надевал кожаный костюм, чтобы не оцарапать себя колючками терновника, разросшегося около погребца; и опущено это конечно потому, что имеет несколько веселый характер. Если мы и встречаем в нашей редакции некоторые выражения, могущие вызвать улыбку, то это явилось не результатом желания автора, а результатом несовершенства стиля. Например:

А о то стыдно было у отца прохати,
Не пригожо-бо даме жениха искати.

Или:

Починает умышлять, каким-бы то видом
Снести ся могла в любовь с изрядным купедом».

Или еще:

Хотел князь обозватись, а потом раздумл
Не обличать дочери, только тайно румал.

Несовершенство стиля южно-русского пересказа более всего замечается в тех речах, которые произносит Сигизмунда. У Боккаччо ее речи исполнены не столько чувства, сколько размышления, напоминающего в многих местах философский трактат; в русском же переложении далеко не та сила мысли, но за то пересказчик старается придать больше силы чувству и прибегает нередко к патетическим украшениям. Особенно характерно в этом отношении то место повести, где изображается состояние души Танкреда, извещенного об отравлении дочери. У Боккаччо просто говорится, что он, «не будучи в силах видеть ее в таком печальном положении, не мог воздержаться, чтобы не пролить слез, исполненных нежности и раскаяния». Наш пересказчик обнаруживает явное желание более оттенить и опоэтизировать горестное состояние Танкреда, и рисует оное такими чертами:

Видя-ж отец смерть явну дщери своей милой,
Не плакал, но рыдал по той втесе целой,
На себе и на дочь свою нарекая
И день тот свой несчастный горко проклиная.
Аки при Меандровых брегах лебедь белый,
Так жалостно над дщерью плакал отец милый.
Лебедь гласом плачевным кричит воздыхая
И крылами быстрыя воды разбивая,

Поет песнь печалну гласом умиленным,
 Равно пел и старушек сердцем сокрушенным,
 Жалея по дочере, румал неутешно
 И себе умереть желал...

Не смотря однако на такие прибавки и прикрасы, игривая новелла Боккаччо много теряла от той внешней формы, какая придана была ей южно-русским пересказчиком: язык или стиль пересказа, облеченный в неуклюжий силлабический стих, оказывается далеко неудовлетворяющим той легкости и той задушевности, которые необходимо связываются с подобными сюжетами. Особенным же препятствием легкости изложения является, по моему мнению, та пестрота речи, которая в каждой строке дает себя чувствовать. Несомненно, что основную канву языка в данном памятнике составляет церковно-славянский элемент, и по этой канве разбросаны в разных местах слова малорусские, русские и немногие польские. Присутствие малорусского элемента прежде всего проверяется рифмами, тем камнем преткновения для наших старинных малорусских писателей, который всегда обнаруживал их местное происхождение. Вспомним, например, что Феофан Прокопович и Стефан Яворский, желавшие совсем отрешиться от местного говора, — когда являлись со своими стихотворениями, прежде всего оказывались уроженцами юга в рифмах (у Феофана, например, в стихотворении, обращенном к Кантемиру, читаем: *зритель — добродетель; лики — веки; дружины — перемены*, или у Стефана Яворского в стихотворении «*In vituperium Maserae*»: ах тяжку горесть терплю мати *бедна*, утробу мою снедает *ехидна*; кто ми даст слезы, яко-же *Рахили*? заплачу горко в своем смутном *деле*). Совершенно аналогичные факты встречаем и в пересказе новеллы Боккаччо. Например:

Когда-бо пришла в возраст Зигизмунда *дева*,
 Добронравна над звычай и красна до *дива*.

Или:

Многие-ж от велможных господ ю *хотели*
 Поять себе за жену и отца *нудили*.

Или еще:

Не видела и света за слезами *теми*,
 Лице зараз зменила печалми *такими*.

Но еще более этот малорусский элемент обнаруживается в отдельных словах, раскиданных в разных местах повести. Отмечаю некоторые из них, хотя этим далеко не исчерпывается все их коли-

чество (над звычай, израда, заграла, прохати, догожий, певный, сведомый, закохатысь, з очей, зверитись, никОму, отислала, сишлись (зийшлись), знароку, неякиеь, намет, побавившись и т. п.). И все это стоит на ряду с такими русскими словами, как: удивляться, действительно, стыдно, молодец, тотчас, препятствие и др. Присутствие последних слов между прочим заставляет нас относить нашу рукопись не раньше, как концу XVII или началу XVIII в., когда у южно-русских писателей стал заметно прорываться великорусский элемент в языке.

Заканчивая мои замечания о новонайденном памятнике южно-русской переводной литературы, останавлиюсь на вопросе, какое значение можно придавать этому произведению, как материалу для чтения нашей публики конца XVII или начала XVIII столетия?

Г. Пыпин в статье «Очерки из старинной русской литературы», по поводу новелл Боккаччо в нашей письменности говорит так: «новелла Боккаччо и русская письменность XVII столетия производят вместе какое-то странное впечатление; старинный борзописец, переписывающий новеллу Боккаччо, для многих может показаться мифом, невозможным наделе, потому что трудно представить игривую, остроумную и не весьма скромную новеллу под пером старинного грамотея, подъячего или посадского человека, привыкшего списывать и наслаждаться словами о злых женах, сказаниями о воеводе Дракуле и царе Агее, и другими «вельми дивными» и «зело душеполезными» повестями. Новелла Боккаччо в старинной русской одежде принадлежит к числу тех ненормальных явлений, какими всегда сопровождаются первые шаги начинающей литературы, не управляемой одною идеею и действующей бессознательно»*.

Очевидно из этого, что г. Пыпин, считая самый факт существования переводов новелл Боккаччо в XVII в. ненормальным явлением, не может признать положительного значения их для наших старинных грамотников; поэтому в заключительных словах указанной статьи его читаем:

«Какой смысл имели для наших читателей и грамотеев новеллы Боккаччо, трудно сказать определительно; но судя по неловкому, тяжелому языку, которыми выражались они в этом случае, подобные вещи были непривычны и дики для них. Нескладная передача легкой фразы Боккаччо, без сомнения, много отнимала у новеллы, даже и вовсе искажала ее, потому что ложный тон, в который необходимо впадали наши переводчики, совершенно противоречил ее

* Отеч. Зап. 1857 г., № 2, стр. 458.

характеру. Виноваты здесь не фривольный взгляд на вещи и не нескромность описаний, которыми иные могут кольнуть здесь Боккаччо — потому что и древняя наша словесность имеет нечто в подобном роде — а только незначительность литературного развития. Перевод Боккаччо был вещью случайною и преждевременною, и хотя он по-видимому вызван был известными потребностями и вкусами читателей, но в сущности оказался явлением несостоятельным, которое только обнаружило недостаточные средства тогдашней нашей письменности и образования»*.

Соглашаясь с замечанием уважаемого нашего ученого, поскольку оно относится к новеллам Боккаччо, известным по шуточным сборникам, я не считаю возможным сделать того же относительно новеллы о Сигизмунде и Гвискарде. Бесспорно литературный стиль служил громадным препятствием для передачи всей силы содержания новелл Боккаччо, на что и было указано мною выше; но, помимо стиля вообще, литературной формы, существует еще известное содержание, проводящее какой-нибудь принцип. Вот со стороны этого последнего новелла, о переводе которой у нас речь, стоит совершенно в стороне от тех шуточных рассказов, которые, будучи лишены легкости в изложении, теряют от этого все свое значение. Что сами переводчики и составители таких веселых рассказов относились к ним поверхностно, не серьезно, по крайней мере в XVIII в., унаследовавшем их от XVII-го, это видно из того объяснения, которое находится в одной рукописи XVIII века:

Хотя не для исторического чтения,
Сочиненны некоторым человеком для увеселения,
Самые забавные жарты, —
Охотно читать, как играть в карты**.

Но совсем иное дело такой сюжет, какой мы встречаем в данной новости, — сюжет, исполненный трагизма, производящий сильное впечатление и проникнутый идеей, очевидно берущей перевес над самой романической завязкой, что и обнаруживается в прекрасной речи Сигизмунды на тему об истинном благородстве. Едва-ли можно сказать, что чтение произведений, проникнутых такими идеями, было преждевременно и самые произведения не имели значения. Ведь трактат об истинном благородстве, который в большей или меньшей степени удачно проведен и в нашем

* Ibid., стр. 465.

** Пыпин, Очерк. лит. погор., стр. 292.

пересказе, есть ничто иное, как такой же трактат во 2-ой сатире Кантемира, вложенный в уста Филарету. Если мы признаем значение этой сатиры Кантемира для современников, помимо ее сатирической формы, то и явившийся раньше несколькими десятками лет перевод новеллы Боккаччо должны признать равносильным по своему значению для воспитания здравых понятий в современниках.

Помимо того, самая личность Сигизмунды, послужившая поводом, как мы видели, к составлению многих переделок и подражаний в разных литературах, не могла не производить впечатления и на наших предков и тем способствовать выработке литературных вкусов. Что такое увлечение было в действительности, видно отчасти из того, что наш переводчик, очевидно увлекшийся типом этой мужественной личности, попробовал выразить свое впечатление, нужно думать, в самостоятельных коротких стихах, помещенных в конце повести под заглавием «Лямент Зигизмунды». Стихи, положим, не блистательные, но во всяком случае свидетельствующие о силе впечатления, полученного автором.

Несчастливи годи и лета несчастливи,
И потехи зрадливи света все плачливы!
На что мене несчастну так долго держали,
Когда мене так тяжким смутком карать мали?
Чему мене первее червь не стлела в гробе,
Или мать не растлила во своей утробе?

И так, скажу в заключение, если нашей поэзии суждено было уклониться от нормального пути в своем развитии и, после значительного перерыва, обратиться к произведениям иноземным, то для XVII века едва ли не одним из самых отрадных литературных фактов является перевод новеллы Боккаччо о Сигизмунде и Гвискарде. Не предлагаю ни подлинного текста этой новеллы, ни перевода ее на современный нам язык, хотя это и помогло бы читателю ознакомиться с тем, как справился наш старинный переводчик с произведением первоклассного итальянского писателя. Последняя цель достигается отчасти нашими указаниями, а ознакомление с подлинником этого произведения вовсе выступает из пределов программы нашего издания. Иное дело южнорусский пересказ той же повести; мы приводим целиком его текст по найденной рукописи, как памятник языка, местами самостоятельной литературной работы и как памятник литературной потребности и вкуса прежнего времени.

*Историчные верши**.

1. Князь Танкредъ, по имени Салернетанск бывий,
 Долгие пожил лета в той власти щасливий;
 Умре без наследия, толко дщерь едину
 Имел он Зигисмунду, и ту любя вину,
 Любя сердцем безъмерно, як зеницу ока,
 Хранил, хотя оную видети без порока.
 И так тем люблением привел к тому тую,
 Что аж безвременную смерть принесл оной злою:
 Когда бо пришла в возраст Зигисмунда дева,
10. Добронравна надзвичай** и красна до дива
 Виденна была, коей задивяся мнози,
 Не быть бо ся краснейшу судили и бози;
 Многие ж от велможних господ ю хотели
 Поять себе за жену и отца нудили,
 Но отец любовию был к ней обдержимий,
 Отказал акт веселний деве той любимой,
 Не хотя лишится радости всецелой
 И отдалить от себя Зигисмунди милой.
 Потом и не с волею принужден оддати
20. За княжича едина в светлие полати,
 Которому не долго Бог дал с нею жити,
 Благоволил жизнь его смертию *скратити*.
 Завдовевши ж, прекрасна Зигисмунда млада
 Узнала, что за прелесть в свете и израда***;
 Кривавие**** от очес***** своих лила слези,
 Как росую кропила свои ходя стези;
 Не видела и света за слезами теми,
 Лице зараз зменила печалми такими.
 А была красотою и умом так славна,
30. Что во области не бе ей ни едина равна.
 Нелзя было не думать и не удивляться,

* Удерживаю правописание подлинника, кроме надстрочных букв; знака препинания, совершенно почти отсутствующие в подлиннике, расставляю по смыслу.

** чрезвычайно

*** предательство

**** кровавые

***** из глаз

- Смотря толко на нея и не услаждатся;
Насквозь та проникала сердца зраком вдатним*
И к себе привлекала словом всеприятним**.
Была-ж в дому отческом не мал час вдовою,
В дому славном, роскошном, в великом покою.
Но понеже всякому долго скорбь прикучить,
Затем стала приходить в чувство, что ю мучить,
Стала о том забывать, роскошми нудима***,
40. Спомянула**** жизнь брачну, как она любима.
Кровь млада девственная в теле ей заграла
И жар в ней, как бурный ветр, всегда разжигала.
Толко о том и думает, кто имеет тело,
Чтоб в свете аггелское***** было его дело;
Разве был-би адамант***** тот непобедимий,
Даби молотом биен бил ненарушимий.
Но кровь сия козлия и камень тот крушить,
А отрада и роскошь ее не утушить*****;
Для чего горкой скорби по мужу забила
50. И горячку силную в теле ощутила.
Искала ж средств удобних и лекарства певна*****,
Как бы могла лечити болезнь ту плачевна.
А о то стыдно было у отца прохати*****,
Не пригожо бо даме жениха искати.
Что-ж чинит***** Зигисмунда, искрей потаенних
Не могучи угасить, внутрь ее разженних?
Починает умишлять***** , каким бы то видом
Снестися могла в любовь с изрядним купедом*****,
Кой бы желаниям ее был догожий*****

* необыкновенным взором

** очень приятным

*** тосковала по наслаждению

**** вспоминала

***** ангельское

***** алмаз

***** погасить

***** сильные

***** просить

***** делает

***** придумывать

***** любовником

***** подходящий

60. И в той ее секретно сокривать могл дрожи.
 Сискала* способ латвий** в отеческому дому,
 Врачбу*** так на боль певну**** к здравию сведому*****.
 Так между протчими лучша всех слугами,
 Так красна, как и умна и крепка силами,
 По имена избравши Звездарда едина
 И все тем закохалась***** (о любви кручина)!
 Красоту и приятство***** и умние справи*****,
 Паче за куриозность***** стался быть друг правий*****;
 А вродою хотяй-же он и бил сравнений,
 70. Со другими-ж честию не был соединенный,
 Кого Зигисмунда так уже сподобала*****,
 Что з очей сердца и мисли всегда не спускала*****.
 Молодецъ-же разумен Звездард узнал тое,
 Что сердце Зигисмуиди есть к нему прямое,
 Стал ходить вслед ее мисями***** и очима
 И так тую уловил в любовь между сима.
 Как-же б дале поступить, мислить***** о том стала
 И чтоб делом искусить, кого закохала*****.
 Се-ж уже когда любовь в них жить стала равна*****,
 80. Тогда расти вещь к делу стала в них исправна;
 Однако она, не хотя зверитись***** никому,
 Опасаяся изради***** от слуг своих в дому,

* нашла
 ** удобный
 *** лекарство
 **** сильную
 ***** видимому
 ***** влюбилась
 ***** приятность
 ***** вести себя
 ***** интересность, веселость
 ***** истинный
 ***** заметила
 ***** отпускала
 ***** мыслями
 ***** думать
 ***** полюбила
 ***** одинаковая
 ***** довериться
 ***** предательства

- Сискала таков способъ: картку* написала,
В трость тайно вложивши, к нему отислала,
Молодец-же разумен тотчас догадался,
Что недармо** дар к нему от нея прислался,
Так хитро умисленный***, да еще чрез деву;
На мног час чудяся**** тому ее делу,
Взяв тую, распечатав и прочитав скрито*****,
90. И стал любить чрез тое ее ненасито;
Растопился от сладости и развеселился,
Что о часе и месте, где быть, известился.
И так сишлись в едино, волю учинили
И конец желания любви улучили*****;
Покой бо бил далече Зигисмунди в боку,
Для утехи ей самой деланный знароку*****,
При котором и лиох***** бил уже запалий*****
И сметтем***** нанесенный, толко поостали
Неякиеь там места секретные к входу,
100. Правящие в покою сенми охолоду,
Где и намет Зигисмунди над вся был любимий
И нарочно для потех собственних держимий.
В том намете при лиоху железные двери,
И стална была засов с железными пери*****.
Тот лиох з давних времен был вже запустелий,
И домашние о нем весма позабили;
Но любовь бысть разорна*****, проходя сквозь всюди,
Усмотрела место то угодно, где труди
Облегченни бывають, и соединила
110. И тугу***** сердечную оним там разбила.

* записку
** не напрасно
*** придуманный
**** удивляясь
***** тайно
*****утолили
***** специально
***** погреб
*****запущенный
***** грязью
*****пружинами
*****горячая
*****желание

- Зигисмунда бо, в помощь не прося никого,
 Сама двери отверзла, трудясь в том много,
 Упустила Звездарда к своему покою*
 И там утешилися обои меж собою.
 Сие-ж часто бывало, а единой ночи,
 Желанию своему не имея мочи,
 За препятствием слуг своих, оних розослала,
 Умисливши сказать то, что еще не спала,
 И пошедши к покою, там сладко уснула
 120. С Звездардом в прохладе, а як ночь минула,
 Обоими обявши своима руками,
 Звездарда целовала все уди устнами**;
 И долго побавились еще в той утесе,
 Як пташечки играя в красном яком лесе.
 По игре-же той Звездард у дом возвратился
 И пришедши, где медлел, в дому не звинился.
 Зигисмунда, замкнувши ***двери, тож вступила,
 Как-би от сна себе толко обудила;
 Взявши шубку на себе, пришла между слуги
 130. И, с ними в речь вдавшись, била как лук тугий,
 Не дала ни мала по себе в том знаку,
 Сахарним розговором прикрила желчь смаку****,
 И смеясь с паннами, шутливо сказала:
 «Як я долгое время в покою том спала!»
 Они-ж в ответ, ей сказали: довольно и много
 Изволили спать, госпоже. Она-ж им до того
 Сказала, что приятным сном бе отягощения
 И сладким от чувства велми успокоенна*****.
 Потом едини в шати***** другие вбирали,
 140. Другие-же вечеру вкусну готовали*****.
 А Звездард всегда певен***** было посещает

* комнате

** конечности губами

*** закрыв

**** вкуса

***** Весьма удовлетворена

*****платья

***** готовили

*****точно

- И печально ее сердце в тузе* утешает.
Но противна фортуна щирости** той верной
Не могла укротити завести безмерной,
Кая всем тем потехам конец даровала
Печалний и обоих смертию карала.
Обикл*** бо Танкред оний, князь Салернетанский,
Часто ходить к покою, в намет**** тот панянский*****,
Хотя часом утешить дщерь вдову печалну
150. И ей отгнать тугу***** от сердца нахалну*****.
А временем обикл бил ходить до покою,
И там было розговор имеют з собою.
И так часу едного, в полудней године,
Ходя он по покою сам толко единый,
Когда дщерь Зигисмунда с паннами играла
В городку и цветками себе забавляла
Маиовими*****, як звичай*****, — тогда он в покою
По многой уснул утесе, утружден собою;
Уснул он у тихости вкупе наедине,
160. И окна бо заперти были у той сени.
Зигисмунда-ж не зная, что делалось тамо,
Пожелавши Звездарда, идет в покой прямо,
Где и Звездард надойшол*****, тешились вспаняло*****
По желанию сердец; когда-ж позднейш стало,
Обудився з она, Танкред видит, что дщерь деет*****,
Ничего не говорит, от жалю***** весь млеет;
Хотел к ним обозватись, а потом раздумал
Не обличать дочери, тодко тайно румал*****,

* в желании

** душевной близости

*** привык

**** покои

***** женские

***** желание

***** легкомысленную

***** майскими

***** обычно

***** пришел

***** свободно

***** делает

***** от печали

***** плакал

- Румал горко и ревно, уста притиская*
170. К подушки, на кой лежал, глас утаевая;
 Не двинулся, аж доколь ростались обое,
 Окончивши забаву, не мисля** на тое,
 Что вже (з) рада*** с ними есть. Ах израда скрита****,
 Кую любовь деет слепа и не сита*****;
 Та бо их растопила так, как воск и масло,
 И в той они целуясь, паки***** дали гасло*****.
 Звездард обыкновенно отойшол с покою;
 Зигисмунда-ж в надежном бывши слова строю,
 Пойшла в дом между панни и там жартовала*****,
180. Посреде их, играя с ними, розмовляла*****.
 А Танкред нечаянным видом пораненний,
 Вишол тайно с покою, сердцем болезненный,
 И утвердил над лиохом тем стражи опасни,
 Где в третий день пойман стал Звездард той
 нещасний.
 Между тем, звязав его, дали князю знати
 Скрито***** о нем, что уже дал им Бог поймати.
 Князь-же, не хотя того и видеть очима,
 Приказал вложить в тюрьму, как вора злозрима*****.
 И то все тайно делал; казал, чтоб не знала
190. Зигисмунда о тому и тужить не стала,
 Что своего рачителя уже упустила
 И своим сношением его погубила;
 Приказал говорити — с несмом отпущенна*****,
 И надежно с ответом скоро возвращена.
 Потом, время избравши, пойшол сам в темницу

* Стискивая губы
 ** не думая
 *** измена
 **** Измена тайная
 ***** ненасытна
 ***** снова
 ***** зарок
 ***** шутила
 ***** беседовала
 ***** тайно
 ***** злонамеренного
 ***** Без возможности прощения

- И гневную на его обратил зеницу*,
Хотя слышать от него, чтобы он зрадливей
По совести сказать могл**. Питал***, как плачливый:
О злодей безъсовестный! сами те доброты
200. Мол тебе отвесть могли б от срамоти,
Даби дому моему и слави такой
Не делал и сердцу болезни тяжкой;
Кое дело сам видел очима моима
И покрил то горкими слезами моима.
На что в ответ отказал то Звездард Танкреду:
Согрешил, господин мой, ставлю грех на среду,
Но что буде, то буде; правду сказать, знаю,
Что любовь болшу силу, ниж ти и я маю,
Оной я слушать мусил****, тебе позабивши
210. И воле тоя себе всего поручивши.
Князь-же Танкред ридая вийшол болезненный,
Приказал, чтоб Звездард был крепчае замкненний*****.
Зигисмунда-ж частенко з окна виглядала,
На всяк час и минуту Звездарда чекала*****
И мисля, что з писмами теми забарился*****,
Воздыхала горко, что не знает, где по делся.
Отец, час усмотревши пойде до покою,
Як обикл***** был; аж дочь сама там собою
Лежить скорбне, в намете*****. Когда его взрела*****,
220. Ставши пред ним, как должно, отца сесть просила.
Он же седши зачал *****речь свою к ней ту править,
Что до смерти за жену, как она лукавить,
Ручитися не хотел-би, тое всяк дознает,
Здравие-бо и славу та от часу терает.

* взор

** мог

*** спрашивал

**** должен

***** заточенный

*****ждала

***** припозднился

*****как обычно

*****помещении

*****увидела

*****начал

- О дщи моя едина! скорбен я до зела*,
 Ибо твоя мне в очи сваволя** вступила,
 Чего когда б очима своими не видел,
 Никогда бы, кто казал, тому-б я не верил,
 А то видел и плакал, в слезах утопая;
230. Говорить аж он не мог, с жалю умирая.
 С таким то щастием бедний умирать я мушу***
 И так в горкой печали злей зверну**** душу.
 Грех твой мене тот мучить и света лишает,
 Твоя любовь з Звездардой мене погубляет.
 О дщи***** моя, дщи злая! что се ти зробила*****?
 Кости моя и мене жива в гроб вложила,
 Смешеваешь з землею, жалем***** покриваешь
 И так сердце бедное насквозь пробиваешь.
 О бедная Зигисмундо, вдовице неправа*****,
 240. На что далась безделнику звестися лукава*****?
 Для той своей свободы могла б изобрати
 З нобилетов***** изрядна, нежели так каляти*****
 Славу свою, и себе худу учинила.
 Когда вже желания в том не преломила,
 Много дворян у мене лучших избрать можно,
 Если вже захотела так жити безбожно.
 Не знаю, что в том сердце твое возлюбило,
 На кого и смотреть другим есть не мило.
 Сего бо млада еще взявши я нагаго
 250. От отца, вместо сила зделал таковаго,
 Приоденул нагаго и сделал як сина,
 Хотя его за верна слугу меть *****едина;
 Се же он мне наградил за тия доброты,

* очень
 ** своевольность
 *** могу
 **** сломлю
 ***** дочь
 *****сделала
 ***** грустью
 *****фальшивая
 *****обманом
 *****благородных
 *****пачкать
 *****иметь

- Нанес в тяжкой старости моей мечь клопоти*.
О сердце старости! что ти так нещасно,
Что от сего терпишь ти так тяжко, напрасно.
Однак уже, как ни есть и как тое стало,
О нещастие велико так мене попало,
Что сам я не знаю, что чинити з собою;
260. Придется в горести умереть в неспокою.
Поступлю я с Звездардом, как с таемним** вором,
Убию безъсовестна во времени скором;
А с тобою не знаю, что делать имею,
Прибрать мисли не могу, сердцем тя жалею,
Любовь бо природная делать воспящает,
Хоть на тое суд правий мя и поущает,
Чтоб ты казнить за грех твой и сущие сии злии
Помстят*** ты сами нехай деда твои тии.
А я поколь умишлю, хощу в тебе бути,
270. Чтоби ти мне сказала, як би избегнути
Могла еси казни злой и прощенна быти;
Лучше бо ты мне мертву, неж безъчестну зрети.
Печална-ж Зигисмунда буд (учи) в том часе,
Стала безъответна вдруг в немалому страсе,
Не так себе жалея, як друга своего,
Звездарда, мисля в себе: ах нещастия моего!
Что со нам случалося? тяжко воздыхала
И скорбное словами лице обливала.
Видя тое, что уже тайни их открыти
280. Стали и вси любве той знаки явни быти,
От жалости несносной ниедина слова
Не могла проговорить до отца сурова;
Однак пред ним мужеско сердцем поступала,
Прибирая**** разума, что би отказала;
А в мисли своей твердо тое закрепила,
Что с Звездардом и смерть ей будет в свете мила
И быть-би вже готовой, еслиби згубити*****
Звездарда отец имел, там же положити

* неприятности

** тайным

*** отомстят

**** прибавляя

***** погубить

- И свой живот с ним кунно*; и так учинила,
 290. Что по смерти вже своей его в гроб вложила;
 Мужественно стояла до смерти и верно
 Не просила ни о чом отца, толко мирно,
 Без гнева, со слезами тое говорила:
 Что ти де, отче, винен, не я учинила,
 Отец мой, государь! ти сам в том причина,
 Что я так согрешила, тебе дщерь едина.
 Грех мой исповедую и вини не крию
 И о милость просити тебе не имею;
 Готова все терпети, чтоб имело быти,
 300. С Звездардом совокупно хощу и умрети.
 Не тая-же и сего, что его любила
 И так, как с мужем своим, я с ним жизнь имела
 И поколь жива буду, хочь то и немного,
 Не престану любить от сердца прямого;
 И по смерти, когда би власть кости имели,
 Желала б, чтоб и в гробе Звездарда любили,
 Не так моя хоть к тому я любовь его же,
 Мне твоя сила роскошь сделать возможе:
 Могл би еси в младости моей то вчинити,
 310. Даби мене другому мужу обручити,
 Тоб я сиеи свеволе так худой не знала
 И всегда б з своим мужем в сладости играла.
 Не помислил ти на то, что и сам телесний,
 В теле своем имаши** тот же дух прелестний,
 И мене не каменну родил ти ж такову,
 И для того и нравом знай быть еднакову.
 Могл би еси и тое еще рассуждати,
 Как в младих летах наших кров звикла*** играти
 А и сама младость есть ко греху всесклонна,
 320. Найпаче****-ж праздна; а любовь законна
 Всего сего не знает, но живет нелестно.
 Брак честен, как сказуют, и ложе всечестно:
 Як-же мне, жене, бывшей в отраде доволной,
 Младой, к тому и праздной, не быть своеволной?

* вместе

** имя

*** привыкла

**** более всего

- Сии твои и-к сему мене понудили,
Что все уди Звездарда мои так любили;
Бывши бо я за первым супругом законним,
Хочь не долго з ним жила, однак браком полным,
Узнала, что то есть брак и что в нем за сила,
330. Всяких тайн сердечных сладости вкусила;
Когда-ж в той горячести самой завдовела,
Над меру в молодой крове огнем разгорела,
Каким во дни и в нощи палая сердечно,
Принужденна промишлять о то всеконечно,
Як би пламень природный могла утолити
И кровь, во мне горящу, хоть мало залити.
Однак с прилежанием и о то старалась,
Как-би найсекретнее в той вещи справлялась,
И искала способов таемних до того.
340. Чтоби подозрения избегнути злого.
Тебе ради, не себе, тайно так чинила,
Даби когда подзором не обезъславила*.
И до тих пор щасливо текло тое дело,
Покаместь твое око отче не узрело.
Когда-ж тебе досадно паче всего тое,
Что не з равним любила, се резон на тое:
Той бо мне полюбился и я ему равно,
Любовь не перебирает, все делает травно**.
Но что очесам людским кажется в придачу.
350. Любве приятно, то нам есть в удачу.
Мниши-ли грех тот быти менший меж грехами,
Которий бя имела делать з шляхтичами?
Слеп твой в том разум, отче! мисль маеш невраву***,
Не Звездард, но щастие отиймает славу.
За щастием все течет: то славит безъславних,
То убогих, богатих, то и князей славних
Возносит и смиряет, — то делает само.
Слово-ж твое, отче мой, и Богу упрямо;
Всем бо нам един отец, една земля мати,
360. Вси от нея создании, от нея зачати,
И достоинство наше от земли-же взято.

* обесславила

** естественно

*** у тебя неправильные мысли

- Все земля, прах и пепел, только одно свято
 Племя и род, коего добродетель славить:
 Та сама славу родить, та богатых ставить,
 Та ворота к шляхетству и ключ к славе златий,
 Тая шляхтов делает — не отец, ни мати.
 Присмотрись только, отче, своей шляхти нравам
 И всем их делам добрим и делам исправним;
 Положи на мириле* Звездардови справи,
 370. Добрий нрав и красоту — как большой суть слави,
 Так увидишь всю правду, чего он достойний,
 Как тех стома крати лучший есть и стройний,
 Зачим я изверилась, як верному другу
 И хотела-би ему быти за супругу.
 Больше-ж сего еще то я в нем усмотрела,
 Что он горяч любитись, — за то я влюбила,
 И что болш (есть шляхтич), хоть убог да правий,
 Доброти в нем несть подобной, красна имать нрави.
 Обманулся ти, отче, что так мужа умна
 380. Чрез долгий час не узнал быть нелегкоумна,
 И за служби верние по сей час заплати**
 Не наградил достойной з своей благодати.
 Несть сие ново и дивно: часто бо бывает
 Господин убогим, убогий-же его провищает;
 Много тих, что у себе ничего не мали,
 Щастие-же им дало, господами стали.
 Многие-ж хоть и мали, да щастие побрало,
 Много мавши, послежди ничего не стало.
 В заключении-же речи сие утверждаю:
 390. Что хочешь, дей со мною, — умереть с ним желаю;
 Если згубишь Звездарда, — чего не дай Боже. —
 Узришь мертву и мене, что будет негоже.
 Мене карай, мене мучь, — я то во всем винна:
 Сама его извела, сама в том безчинна***;
 Сама смерти я годна, — пусть-же пойду з света,
 Не дасть он пред Богом безъвинний ответа.
 Да дасть Господь Бог ему, ему лета многи
 И вся свишше благая без всякой тривоги.

* весы

** заплатить

*** виновна

- Если-ж из света, отче мой, Звездарда мне истратишь,
400. Смертию вже моею ти лютость уплатишь;
Лучше нас обоих згубить, нежели розлучити.
Дружно бо хочу с Звездардом и в гробе жити.
Положи нас в единой труне* нерозлучно,
Пусть едину не будет жити в свете скучно;
Погреби кости наша в единой яскяне,
Пусть лежать в памятку любви верной ныне.
Смотря-ж Танкред на ее так речь ту статечну**,
Не знал, чим-би утрашить оную беспечно;
Умыслил он тот пламень, внутри ей розгорелий.
410. Кровю залить, Звездарда живот отяв*** милий.
Хотя все тайно зделать для своей неслави,
Казал**** в ночь глубокую лишить его глави
И сердце ого к себе принести неживо,
И положив на золотом блюде то на диво,
Послал к дочери на покой с таковыми слови:
Отец ти про память прислал ее суровий,
Даби тем и по смерти себе потешала,
Которому за жизни любовь даровала.
Се имашь сердце его; кой отял доброты,
420. Тем закрий свою нечесть, знак вечной срамоти;
Теперь ему присмотрися, есть-ли что в нем мило,
И испросися, любить-ли, как прежде любило.
Зигисмунда-ж, будучи вже на смерть готова,
Не говорить в ответ ни едина слова;
Держа в руке напиток из ядом смешенный,
Сильною отравою бывий растворенный,
Ожидает, что будет с Звездардом чинится,
Аж видит, что их секрет явно всем вже зрится.
Взявши сердце оное от золотого блюда,
430. Воздохнула плачевна о причине студа*****,
И очи в небо поднесла и благодарила
Отцу за тот дар драгий, который узрела.
И зараз узнала, что то Звездардово

* могиле

** смелую

*** отняв

**** приказал

***** стыда

- Сердце было, которое отец дал сурово,
 И спустивши вниз очи, плакала ревниво*.
 Потом к послу сказала те слова плачливо:
 Достойно и по истинне золотого блюда
 Сердце сие и его любовна утроба,
 Кая ему труна и быть надлежала,
 440. В чом я теперь отческу милость вже узнала.
 Достойно Звездард лежит по смерти на злате,
 Положил-бо любви моей то в заплате,
 Сердце-же его, кое в руках пестовала
 И своими сердечно усти целовала.
 Сказуя то, прирекла: о моя утехо!
 Ти теперь в небе еси радостно и тихо.
 Потом, обратившись (к) панянтам**, сказала:
 Всегда я отческую милость узнавала,
 Но тепера найпаче*** тую узнаваю
 450. И за такий дар ему воздать чим не маю;
 Вместо всего самую пусть он будет знати,
 Дая сиу жизнь мою и покой мой златий.
 И к сердцу обратившись, так горко слезила,
 Что от жалю и плача зелно**** обомлела,
 Сказуя так до сердца: о сладкий покою
 Всех моих потех! тайно добро мне с тобою.
 О радостний доме мой, любви пребезмерний,
 Постоянный и верний и нелицемерний!
 Ти замок таин сих всех! Где-ж тебе подели?
 460. В тебе-ли суть, иль в небо з душею вступили?
 Богдай-же тот не дождал века, вже своего,
 Кто живота не щадеть нриказал твоего!
 Доволно в тебе, сердце, было мне спокою,
 Когда-ж умереть наперед ти зволил собою,
 Быть тому так: для мене ти князя лишился,
 От его-же и на тот свет итить поспешился.
 Когда-ж еще до места не дойшол своего,
 Я гонюся за Звездардом, свет бо мне без него
 Не милый. Дал тебе гроб неприятель злобний,

* горестно

** девушкам

*** Более всего

**** сильно

470. О сердце любимое, твой сход мне удобний (?);
Болш ти слави и погребу вже не доставало,
Толко-б еси в слезах моих омокало,
Каких я не жалею, и ти бо однако
Не жалел своей крови и живота тако.
И кого-ж-би сердце то днесь не засмутило
И воздохнуть от сердца внутрь не понудило?
Мне было единаково в землю пойти прямо
И з сухими очима и без слез бить тамо.
Но фортуну изменна! от тебе се цвети
480. Понуждении ввязнут и у смертнии сети:
Души-ж наши, мню, будуть совокупно обе,
Когда купно положить телеса во гробе.
Еще бо, надеюся, дух твой во покою
Моем здесь пребывает, летая собою,
Смотря на плачь и жаль, так тяжко ревнивий,
Ожидает, поколь дух мой вийдет з мя плачливий,
Не желает дружества остатися верна,
И нине любя его, как нелицемерна.
Но уже душа моя мене оставляет
500. И тело от немощи тяжкой умираеть.
Сказуя, глас в себе таила плачевний,
А в сердце дихание и жаль велми ревний;
Слези-ж лия на сердце тое без престани,
На мертвость смотря его и смертнии рани.
Жени тамо и панни, тож видя, слезили
И на слезний тот позор вси тамо смотрели,
А она плакавшись очи утирала,
На сердце Звездардово смутно поглядала.
Потом всем вслух сказала: плакать уже годе,
510. Но не годе з Звездардом быть мне при отходе.
То говоря, взем чашу, смертна яда полну,
Испила и упала, жизнь оставя долну*;
Там на ложе, як труп, тотчас побледнела,
Сердце-же Звездардово к себе прихилила**,
Целовала и скорой смерти ожидала.
Тем бо своим случаем всех жен понуждала:
Что-бо она испила, того не узрели,

* земную

** прижала

- Толко знать, что яд смертний, мислми доходили.
Тотчас, толко пала, лице изменила,
520. Вся стала нечувствевна и вся омертвела.
Дали о том отцу знать, что дочерь болеет;
Услишавши-ж то, отец тотчас к ней приспеет,
Спрашивает, что се есть? Она-ж вже канаєт.
Крикнет отец: ах, беда! дочерь умираєт!
Пособити не знал, пройшло-бо то время,
А яд лют непослабно налагал вже бремя.
Видя-ж отец смерть явну дщери своей милой,
Не плакал, но ридал по той втесед милой,
На себе и на дочерь свою нарекая
530. И день тот свой нещастний горко прокляная.
Аки при Меандрових берегах лебедь белий,
Тако жалостно над дщерю плакал отец милий;
Лебедь гласом плачевним кричить, воздыхая
И крилами бистрие води розбивая,
Поет песнь печалну гласом умиленным, —
Равно пел и старушек сердцем сокрушенним:
Жалея по дочере, румал неутешно
И себе умреть желал за тоєю спешно.
Дочерь отцу слезну каная говорить:
540. Мне вже тех слез не треба, и Звездард не спорить
Сокрий тия на славу нас умерших нине;
Идем з света через тебе в сей горкой кручине.
Напрасно ти жалеешь, сего ти хотелось,
Тешся с того, о чем вже тебе и ходилось;
Ти сего рачително желал, — Бог с тобою!
Бог судия ти буди, что нам жить з собою
Не допустил ти в любви; дай-же хоч по смерти
Кости наши яме одной вже пожерти;
Даруй сию благодать дочери единой,
550. Буди в тебе любовь есть к мне, отче, безвинной.
Яви отчу милость к нам, сделай вконец тое,
Даби в гробе едином положились двое.
Тело мое з Звездардом пусть вже почивает,
И по смерти бо своей быть с ним желает.
Надеюся, отче мой, что мне подаруешь*,
В одном гробе наши кости замуруешь.

* подарить

Тогда Танкред, будучи жалем* ураненный,
Не мог слова отказать, крича изумленный.
А Зигисмунда, видя смерть уже пред очима,
560. С отцем попрощалась и з всеми своими,
Сердце-же пестуючи усти целовала
И тяжело вздохнувши, в том и жизнь скончала.
По том всем князь печалий стал осиротелий,
Зделал погреб обоим и гроб един целий,
Схоронил их преславно. Пусть-же почивають
И так в вечной любви кунно пребивають!
Танкред пожил в печали, скоро преселился**,
И так живот Таикредов и тех окончился.
Лямент Зигисмунды
Нещасливи годи и лета нещасливи,
И потехи зрадливи света все плачливи!
На что мене нещастну так долго держали,
Когда мене так тяжким смутком*** карать мали?
Чему мене первее червь не стлила в гробе,
Или мать не растлила во своей утробе!

* печалью

** преставился

*** печалью